

Гордон Макдональд

МУЖЧИНЫ —

О СЕБЕ

Гордон Макдональд

Мужчины – о себе

ХЦ «МИРТ»

1997

ББК 86.37

Макдональд Г.

Мужчины – о себе / Г. Макдональд — ХЦ «МИРТ», 1997

ISBN 0-7852-7839-7

Книга посвящена исследованию вопросов, занимающих мысли мужчин. Это вопросы самоопределения, связанные с понятием «настоящий мужчина», душевные и духовные проблемы, оказывающие влияние на самооценку. Автор раскрывает тайны подсознания, обуславливающие сексуальные проблемы мужчин, вскрывает внедренные культурой предрассудки, осложняющие адаптацию мужчины в семье и обществе. 2-е издание, переработанное. В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

ББК 86.37

ISBN 0-7852-7839-7

© Макдональд Г., 1997

© ХЦ «МИРТ», 1997

Содержание

Предисловие	6
Полночные игры	7
Введение	12
Глава 1	16
Глава 2	27
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Гордон Макдональд

Мужчины – о себе

Gordon MacDonald

When Men Think Private Thoughts

Copyright © 1996, 1997 by Gordon MacDonald

© Издание на русском языке, перевод на русский язык, оформление. МРОЕХ «ХЦ «Мирт», 2001

© Оформление. МРОЕХ «ХЦ «Мирт», 2005, с изменениями

* * *

Предисловие

В жизни бывают особые моменты, отличающиеся от всех других. Для меня видеть эту рукопись оконченной – один из таких моментов. Мне довелось быть рядом, когда многое из вошедшего в книгу зарождалось в уме и сердце моего мужа. Долгие вдохновенные часы мы провели, обсуждая написанное в этих главах. Слушая, как Гордон развивает эти идеи дома, на званых обедах, на своих семинарах, и видя заинтересованность многих людей – и мужчин и женщин, – я убедилась в их важности. Некоторые женщины (абсолютно незнакомые мне) после таких бесед просили написать им, когда выйдет эта книга, потому что им очень хотелось прочитать ее.

В наши дни, когда накапливается все больше и больше строго научных данных о психологических различиях между мужчинами и женщинами, никого не удивляет, что мы такие разные, словно бы одни с Марса, а другие – с Венеры.

Мысли, которые Гордон обсуждает в книге «Мужчины – о себе», были полезны и для нас с ним – и как родителей, и как супругов, старающихся понять друг друга. Кроме того, нам было радостно видеть, что и других людей она заставляет задуматься и помогает им.

Гордону эта книга далась нелегко. Я с любовью поддерживала его, когда он вынашивал все написанное, прежде чем изложить это для читателей. Наблюдая за своим мужем свыше тридцати пяти лет, я убедилась, насколько это ему присуще – обязательно сначала все пропускать через свое сердце.

Я надеюсь, что и мужчины и женщины, читая вместе эти страницы, не раз воскликнут: «Ах вот оно что!» Конечно, здесь встретятся идеи, с которыми вы не согласитесь, и мысли, которые вы не сможете принять сразу. И все же, дочитайте книгу до конца, и она поможет вам в ваших поисках более глубокого взаимопонимания. Как это удалось нам.

Гейл Макдональд

*Новому поколению мужчин в моей семье,
которые как раз начинают что-то думать о себе.*

Моим внукам:

Лукасу Гордону (род. 5 сентября 1993 г.)

Райану Марку (род. 22 июня 1994 г.)

Вы оба найдете мое обращение к вам в конце книги

*Посвящается, как всегда, Гейл, моей любимой жене,
с которой меня соединяет каждое написанное мною слово*

Полночные игры

*Поздно-поздно, в час полуночный,
Двое мужчин в разных домах
И друг с другом совсем незнакомых
Сидят в раздумьях об одном и том же:
О смысле
Прожитых пятидесяти пяти лет.*

*Бывают моменты,
Когда какое-то настроение
Будит мысль и заставляет искать
Смысл прожитых лет,
Вовлекает в безжалостную игру, которую можно назвать
«В чем же суть?»*

Для проигравших эти моменты в полночи могут оказаться суровыми, просто убийственными.

Для победивших – полезными, укрепляющими и возвышающими душу.

*Для двоих мужчин настало время сыграть в эту полуночную игру.
Странные, как вы понимаете, вопросы дождались своего часа.
И та борьба мыслей о себе самом, к которой рано или поздно приходит почти каждый мужчина, для этих двоих началась.*

Вот первый игрок за столом в домашнем своем кабинете, обшитом панелями и с подвесным потолком.

*Моцарт тихо звучит, все обнимая собою, но кто это слышит?
«Полночное шоу» безмолвно сияет во мраке, но туда и не смотрит никто.
Виски стакан, «освежаемый» часто, привлекает к себе.*

В доме другом, «социальных контрастов» обители, второй игрок оперся локтями на обшарпанный кухонный стол.

Полчашики остывшего кофе дешевого.

Здесь, в незатейливой этой квартирке, царит тишина, не считая ровного дыхания детей, спящих в соседней комнате, и любимой мелодии жены, которую та напевает, расчесывая волосы перед сном.

А в самых глубинах души у двух игроков чей-то голос – назовем его «Тот, Кто ведет счет» – зовет:

«Подведем-ка черту! Посчитаем, каков же итог этих лет!

Будьте честны, ничего не забудьте, вы, двое мужчин, живущих по разные стороны улицы, которых разделяют квадратные метры, лошадиные силы, положение и должности».

И первый из них, потянувшись за своим неизменным стаканом, начинает думать.

«Я в силах сыграть в эту игру, – вот что он говорит, – и победа за мной... большая победа».

Вот мой дом, показывает он для начала: три гаража, бассейн (зимний), огромный холл, а кладовки такие, что хоть в футбол играй.

Об этой вилле писали в журнале «Архитектура».

Республиканцы собираются здесь для благотворительных акций.

А в городе ее зовут дворцом.

Она моя, и (если вам интересно) за нее уже выплачено сполна.

А как только цены повысятся, я продам этот домик и получу втрое больше того, что вложил.

Есть у меня свое дело, свое – ни партнеров, ни акций.

Без всяких. Только мое!

Так, и четыреста с лишним трудяг паирут весь день на меня.

Они тоже мои, потому что я устанавливаю, когда им приходиться на работу и можно ли перекурить,

Я устанавливаю, сколько им получать (я разогнал профсоюз) и не станет ли кто безработным в недельный срок (что называется «сокращением»).

В глаза все они зовут меня «мистер», а кое-кто – даже «сэр».

Поэтому ясно, как меня уважают (никто не перечит мне).

Вот супруга моя, и в этой игре я о ней расскажу как деловой человек.

Она моя эсепципа; все покупаю ей я.

Я купил ей зубные коронки; оплатил санаторий для страдающих избыточным весом,

У нее все самое лучшее из Парижа, я ввел ее в лучшие клубы.

Искусные доктора из Нью-Йорка заново вылепили практически все ее тело.

Да! Она моя. Мне она обязана всем.

Она не может уйти; не может шагнуть... без моего разрешения.

Дети тоже мои, если уж подводиться итог.

Я платил ортодонтам, за Гарвард.

Я дал им старт в жизни: трастовые фонды, аборты, европейские каникулы и свадьбы – на первых полосах газет.

Скажем прямо, если подойти строго экономически – они мои!

Они делают, что я велю, идут, куда я скажу, смотрят в будущее, созданное мною.

Да, и не забудем внести на мой счет мои инвестиции – все мои высокие должности и то недавнее приглашение на прием в Белый дом.

Все это тоже мое.

И вспомним еще о моей репутации:

Я попал в прошлый номер журнала «Фортуна», в бюллетене симфонического оркестра указан как спонсор, известен тем, что в гольфе у меня небольшой гандикап.

Вот так! Все мое! Заработано! Заслуженно! Надежно!

«В чем же суть?» – спрашивает Тот, Кто ведет счет.

«Вот-вот, – отвечает первый игрок, —

Об этом я себя и спрашиваю».

Если, скажем, все и вся в моем мире – мое,

Почему я так пал духом, играя в эту полночную игру?

Откуда тогда это чувство, что мне принадлежит все... кроме моей души?

*И зачем я тут сижу над стаканом и думаю:
Почему моей жены нет сейчас дома,
Почему мои дети предпочли учиться и работать за тысячи миль от меня,
Переживет ли моя компания смену имиджа,
Надежно ли защищена моя репутация,
Любит ли меня кто-нибудь?
Почему я предаюсь этим мыслям, слушаю изводящий меня внутренний голос, когда у
меня столько всего?*

*Время! Смена ворот на поле, пора
Второму игроку вступить в полночную игру.*

*Уходим из этого дома с его избытком на другую сторону улицы, в квартал социальных
контрастов, где дома так просты и одинаковы, наподобие кирпичей пшеничного хлеба.*

*Тише, тише, просто посмотрим.
Очередь второго игрока начать полночную игру.
Из побитого термоса он наливает полчашики.
Приходят мысли о себе.*

*Да, постарел этот дом, он вздыхает, глядя вокруг себя.
Переживет ли зиму отопление? – вот вопрос.
Я обязательно покрашу здесь потолок, обещает он.
Сорняки совсем обнаглели, жалуется он.
Если не брать новый кредит, прикидывает он, дом будет нашим через шесть лет и семь
месяцев.*

*Но, знаете, в каком-то смысле это уже мой дом; он приветствует меня каждый вечер,
когда я выхожу из автобуса.*

*В каждой комнате – память о Рождестве и днях рождения, о бедах и ссорах, эхо нашего
смеха и наших молитв.*

*Глупо, но я с ним сроднился; я так привязался к нему.
Не отдам его за миллион.*

*Работа моя... работа как работа... с нее не разбогатеешь.
Но, можно сказать, за эти тридцать лет она захватила меня.
Я, должно быть, знаю тысячи людей, моих бывших клиентов.
По всему городу людям исправно служит то, что сделано мной.
Все знают, что слово мое железно:
Позвоните мне, говорю я, и я буду на месте вовремя.
Обращайтесь ко мне, и цена будет честной.
Пришлите мне счет, и я оплачу его сразу.
Можете мне доверять, всегда говорю я, и я никогда вас не подведу.
Мне нравится то, что я делаю, и то, как я делаю это.*

*Моя жена – размышляет он, вилкой чистя ногти, – не красовалась в группе поддержки,
когда я встретил ее, и не училась в колледже Вассара, и – только не проговоритесь ей, что я
так сказал – она бы, наверное, не победила на конкурсе красоты.*

*Но вот что правда —
Мы с ней одно целое.
Она полюбила меня.*

*Мудрая, чуткая, нежная,
Но я видел ее суровой и твердой; она ничего не упустит – уж это-то я знаю.
Она много не просит и все отдает.
И я бы все отдал ей, начав с самого себя, и ничего, ничего, ничего
не оставил бы.*

А вот мои дети – учатся средне, нормальные подростки, но, впрочем, с хорошими задатками.

Мне все так говорят.

Потомство! Если на то пошло, хоть я и отец, но этим детишкам я отдал бы все.

Я рад тратить на них каждую свободную минуту.

И люблю смотреть на их игры и слушать их шутки.

Я сияю, глядя, как в них все заметней душа и характер.

В метриках, что в нашем сейфе, сказано, что они – мои, но сердце мне твердит, что это я – их.

Активны? Умора! Откуда? Здесь же нет ничего из того, за что на Уолл-стрит дерутся.

То барахло, что у нас есть, не стоит и продавать.

Единственное мое достояние – мои друзья, мои воспоминания, моя вера в Бога.

Я просто радуюсь жизни.

Тем более после испуга насчет простаты (но врач сказал, это не злокачественная, через год придите еще).

Так что, когда меня похоронят (но с этим пока подождем), наследством моим будет страховочный полис и тот путь в жизни, что я оставил моим сыновьям и дочерям.

Положение, связи? Мне все равно, что говорят Вашингтон и Москва.

Есть у нас пара приятелей с женами,

И я буду за них (а они за меня)

В случае чего.

С ними

Мой смех и слезы;

Им даю и от них получаю;

С ними играю и им помогаю.

Если им что-то нужно, я все для них сделаю.

Я вам говорю: у меня здесь, может, и пусто (хлопает по бумажнику),

Зато здесь хватит на всех (прикасается к сердцу).

Время! Поздняя ночь. Игра окончена!

Посмотрим на счет.

Кто победил?

Вы с тем же сомнением, что и я, смотрите на двух мужчин, гасящих свет и идущих спать?

Взгляните! Один из них взял под руку жену и ведет ее в спальню.

Другому держаться не за что.

Тот усмехнулся словам жены и шлепнул ее по ягодцам, и похоже, что ночь для них на этом не кончилась.

Другой, прислушавшись к тишине, включает систему охраны, глотает таблетку снотворного и ложится в пустую кровать.

Все же странная вещь, эти полночные игры.

Мы думаем, что для них нужна сила и целеустремленность, красота и умение и большие связи.

Но, видимо, мы ошибаемся и не понимаем, что в полночных играх чаще выигрывают игроки, у которых есть

Щедрость, доброта,

Простота, любовь,

Горячее сердце.

Введение

Когда мужчины думают о себе

Рано или поздно каждый играет в какую-то разновидность «полночных игр». *Когда* люди играют в них (это не обязательно должно происходить в полночь) и *где* они играют (это может быть где угодно), не имеет значения. В эту игру можно играть, и часто так и бывает, под душем, по дороге на работу, на скучном собрании, подстригая газон, и даже в церкви, когда мы теряем нить повествования и проповедь становится непонятной.

Во всех этих играх есть одна постоянная величина: я называю ее *мыслями о себе*. Они характерны для всех мужчин. Для женщин тоже. Но в этой книге мы ограничимся мыслями о себе, которые одолевают мужчин.

Как определить *мысли о себе*? Это сделать трудно, почти невозможно! Ведь выражение *мысли о себе* не является научным термином из области психологического анализа работы мозга. Во всяком случае, для меня. Нет, оно относится к тому, с чем знакомы все мужчины и женщины – к внутреннему миру, где идет свой внутренний диалог и неизбежно происходит какое-то подведение итогов, которое может, например, огорчить нас или настроить на борьбу, расстроить или приободрить.

Кое-кто скажет, что вести счет глупо. Или что это не слишком-то нормально, или чересчур самонадеянно, или не может быть выполнено корректно. Справедливые замечания. Но во всех нас как будто сидит что-то, что заставляет играть в эти игры и определять их результаты.

На игровое поле во время полночных игр врывается такое множество самых разных мыслей, что абсурдной была бы попытка классифицировать их. Бесконечное множество мыслей в непрерывном потоке, они появляются и кристаллизуются, возможно, даже в часы сна. Одни из них – лишь краткие импульсы; другие основательны и возвращаются снова и снова. Ясные мысли; смутные мысли; безобразные мысли; прекрасные мысли. Мысли неопределенные; мысли, иногда настолько глубокие, что их просто нельзя выразить словами. Мысли, способные вызвать смех, грусть, ярость, страстные желания и нескрываемую радость.

Среди них есть мысли о себе. Эти мысли я всячески удерживаю из опасения, что, будучи высказаны, они могут раскрыть меня с такой стороны, которую почти никто не знает и вряд ли сможет понять. Это мысли о возможностях и ошибках, мечты, страхи, желания, стыд, вера, сожаления, воспоминания – счастливые и горькие – и... в общем, перечень можно продолжать и продолжать.

А что, если все эти мысли о себе самом вдруг окажутся известными всем и каждому? Как мне относиться к библейскому обетованию, что приближается время, когда «приидет Господь, Который и осветит скрытое во мраке и обнаружит сердечные намерения» (1 Кор. 4:5)? Меня немало беспокоит, кто там окажется рядом, когда этот день придет, и *Он* раскроет каталог *моих* мыслей о самом себе. Я надеюсь, что, по крайней мере, моей матери не будет в пределах слышимости. Не тревожит ли и вас подобная возможность?

Таков разум: всегда мысли, мысли и мысли.

Поскольку Писание так сосредоточено на проблемах человеческой души, оно глубоко проникает во внутренний мир людей. Например, первый царь Израиля Саул был человеком с предательскими по отношению к самому себе мыслями. Внешне величественный, он был захвачен ураганом домыслов, которые заставляли его видеть в других людях, таких, как юный Давид, угрозу для себя, своих соперников. Еще один библейский игрок, Амнон (сын Давида), лелеял в себе похотливые мысли о своей единокровной сестре Фамари. Если Саула его мысли приводили в неистовство, то у Амнона дело кончилось изнасилованием.

С другой стороны, у Иосифа Египетского мысли о себе сосредоточивались на его предназначении помогать людям в беде. И его Богом данное воображение высоко вознесло его. Мысли о себе изводили апостола Павла, пока его не покорило явление Христа на дороге в Дамаск, после которого он стал христианином. Святому евангелисту Иоанну, автору нескольких новозаветных произведений, было видение небес, и он оставил нам самую вдохновенную из когда-либо написанных апокалиптических книг.

Итак, перед вами книга о том, что мужчины думают «про себя», написанная человеком, который много общается с другими людьми. У меня уже достаточно опыта, чтобы убедиться, что очень часто в подобных мыслях можно выявить определенные черты сходства. В следующих главах я и обращаюсь к некоторым распространенным темам.

Не секрет, что большинству мужчин не нравится раскрывать свои потаенные мысли. Почти у каждого найдутся болезненные воспоминания о том, как он доверил одну из таких мыслей другу, женщине, отцу или матери. И оказалось, что расплачиваться за это пришлось дорогой ценой. Однажды обжегшись, запоминают навсегда: осторожно, никогда больше не раскрывай своего сердца.

Мы боимся, что, если кто-нибудь подслушает наши мысли «про себя», мы предстанем людьми поверхностными, жалкими, невежественными, злобными или инфантильными. Или же нас тревожит, что другие сочтут нас самонадеянными, эгоистичными, самовлюбленными или чересчур сентиментальными.

Однако «мысли про себя» необходимо выявить. Они должны быть взвешены. Они должны к чему-то вести. Их необходимо отделить от мифа. Их нужно перевести в созидательную энергию.

У мужчин многие из таких мыслей сосредоточены на *сравнении*. Мы склонны оценивать себя в сравнении с бойцом, который, кажется, не ведает страха; со спортсменом, для которого, кажется, нет непреодолимых препятствий; с финансовым магнатом, который ведет себя так, словно его ресурсы безграничны; с ученым, который производит впечатление человека, знающего все на свете. Почему я не похож на них? – в тысячный раз спрашиваем мы себя. Как этого добиться? В чем моя ошибка?

Существуют также мысли о *личной значимости*. Мальчишки воображают себя космонавтами, подростки мечтают о свидании с «мисс Америкой», молодежь лелеет образ преуспевающего менеджера, а пожилые мужчины, увидев целующуюся в парке парочку, представляют себе, каково бы это было – снова стать молодым.

У мужчин в число главных «мыслей про себя» входят мысли, относящиеся к *чувствам*, которые, как научено большинство из нас, должны проявляться лишь очень редко, а то и никогда. Призыв «Не плачь, будь мужчиной» рано входит в нашу жизнь. И мальчик учится контролировать свои слезные железы и придавать лицу выражение, которому позавидовал бы стоик. *Чувства могут быть непереносимы, думает он, но этого никому нельзя показывать.* С этого момента в жизни мужчины чувства и переживания загоняются в какие-то подспудные глубины. Страхи, печали, тревоги, самодовольство, гнев, радость, одиночество и разочарование – *не показывай, похорони их в себе, заставь исчезнуть так далеко, так глубоко, так надежно, чтобы никто, даже ты сам, никогда не узнал, что они существуют.* Но чувства не остаются под спудом навсегда.

Они неожиданно выныривают, как поплавок на воде – после сердечного приступа, например, или когда мужчина теряется от каких-то внезапных событий, к которым он не был готов. Слезы, печаль или ярость вдруг прорываются наружу. Кто знал, что они таились внутри?

Еще один вид «мыслей про себя» связан с разнообразными сценариями типа *а что если?* А что если мама отвернется надолго, и я успею залезть в банку с вареньем? А что если пожарный возьмет меня посидеть рядом с ним по пути на пожар? А что если у меня откроется необы-

важный талант питчера (подающего), и менеджер знаменитой команды вызовет меня с трибун, чтобы я спас матч? А что если у меня будет?.. А что если она?.. А что если мой отец?..

Некоторые наши мысли сосредоточиваются на чувстве *стыда* и *вины*. Могу ли я поступить против правил? А что если меня видели? Что сказал бы мой отец? Могу ли я работать еще больше и лучше? Почему я так увлекся этой женщиной? Почему меня одолевают сексуальные мысли? Почему меня так привлекают беспочвенные фантазии – спуск на каноэ по Юкону, серебристый «корвет», дружба с президентом, аплодисменты во время торжественной встречи героя?

Бывают мысли, связанные с *самооценкой*. Представляю ли я из себя хоть что-нибудь? Знает ли кто-нибудь меня по-настоящему? Способен ли я хоть что-то совершить? Или мысли о *смерти*. Не когда я умру, а как я умру? И *религиозные мысли*. Действительно ли я лишь одно из отдаленных следствий случайного стечения множества обстоятельств? Существует ли, может ли существовать Бог, Который есть нечто большее, чем некая Высшая Сущность или Первоначало Вселенной? Хотят ли все мои праотцы что-нибудь сказать мне? Видят ли они меня? И если да, то что они обо мне думают?

Если таким «мыслям про себя» никогда не давать оценку по меркам, внешним для них, они превращаются в нечто разрушительное для нас, в манию величия или манию ничтожности, в фантазии типа «я самый лучший» или «я самый худший», «меня любят» или «меня презирают», «я особенный» или «я никчемный».

Мне знакомы эти мысли. Большинство из них когда-то приходили мне в голову. От одних было легко отделаться, другие безжалостно осаждали. Я становился участником полночных игр. Я играл в эти игры в темноте и при свете. Я привык играть в них один. Теперь же я более чем удовлетворен, играя в их новый, улучшенный вариант (вариант без состязания), когда моими партнерами становятся моя жена и мои лучшие, самые близкие друзья. Более того, я узнал, что могу играть в эти полуночные игры так, чтобы со мной был Бог.

На протяжении нескольких последних лет у меня была возможность вести беседы с группами мужчин не реже раза в месяц. Многие из этих бесед прошли во время встреч, которые мы называем «Первым понедельником». Сначала они проводились в Лексингтоне, штат Массачусетс. Потом адресами этих бесед были другие районы Соединенных Штатов и Канады, а также Европа и Австралия.

Много раз я использовал название этой книги, чтобы определить основную тему наших бесед. Нередко женщины интересовались, могут ли они присоединиться к нашей группе, признаваясь, что хотели бы немного лучше узнать, о чем думают мужчины: «У меня нет ни малейшего представления, о чем думает мой муж большую часть времени»; «Он со мной этим не делится» и «Если на него надавить, он еще больше закрывается». Я вспоминаю, как одна женщина сказала: «Мне хочется постучаться в его сердце и крикнуть: „Эй, есть кто-нибудь дома?“».

Я не имею ни малейшего представления, сколько людей прочтет эту книгу. Но думается, что, каким бы ни было общее количество читателей, женщин будет больше, чем мужчин. И это забавно, потому что, в основном, то, о чем я здесь пишу, предназначено для строго мужской аудитории. Отсюда и ориентированный на мужчин словарь, местоимения мужского рода и рассказы для мужчин. Высказав это, хочу добавить, что и женщин ждет наше «Добро пожаловать!» До тех пор, конечно, пока они не начнут восклицать к месту и не к месту: «Ох, не пора ли повзрослеть!»

По «Первым понедельникам» я, кажется, поражаю многих своих слушателей, когда говорю им:

«Давайте представим, что мы собрались в раздевалке. Никаких костюмов; только полотенца. Мы просто компания приятелей – у некоторых из нас мускулатура такая, что люди вроде меня зеленеют от зависти; у других обвисший живот и тощие безволосые ноги. Давайте опре-

делимся, что такое наши „мысли про себя“. Это проблемы, с которыми так или иначе сталкивается каждый из нас, хотя каждый думает, что ничего подобного не может происходить ни с кем, кроме него.

Давайте поговорим о родителях, сексе и о том, почему из-за него многие из нас становятся такими идиотами, о разочарованиях, конкуренции, страхах, семьях, работе и карьере, злости, успехах и неудачах. И давайте не забудем Бога и веру, потому что рано или поздно все мы приходим к мыслям о душе – она есть у каждого – и Бог ближе всего к этой части нашего существа».

Меня никогда не переставало удивлять, как меняется атмосфера. В начале этих встреч немало слушателей сидят молча, скрестив руки в жесте отчужденности или вежливого внимания. У меня возникает ощущение, что кое-кто из них как бы говорит: «Ну-ну, выслушаем это до конца, и я смогу вернуться к более важным вещам – еженедельному матчу, моему газону, компьютеру и послеобеденному сну».

Минуты бегут, а мы говорим о своем потаенном. Я вижу, что позы меняются. Слушатели подаются вперед, на самые краешки сидений. Дело не в том, что мои слова так зачаровывают. Скорее, присутствующие просто осознают, что их «мысли про себя», в конце концов, не так уж уникальны и необычны. «И вы тоже? Я всегда думал, что я...»

Когда беседа заканчивается, я обычно прошу всех встать, разбиться на группы по четыре и посвятить пять минут следующему вопросу: *Что из того, о чем вы подумали за последние тридцать-сорок минут, самое важное?* Через несколько минут все садятся, и я получаю то, что называется «обратной связью». «О чем вы говорили в своих группах?» – спрашиваю я. И на следующие тридцать-сорок минут беседа становится захватывающей. Почти никто не уходит. Мужчины помоложе начинают говорить о своих отцах. Пожилые утверждают, что, будь у них возможность обсудить некоторые из этих вещей много лет назад, их семейная жизнь и их перспективы были бы совсем другими. И почти каждый раз кто-то встает и говорит: «Я думал, что я единственный, кого одолевают такие мысли. И впервые я встретил братьев по духу, с которыми могу поговорить обо всем этом».

Когда мужчины играют в полночные игры и их одолевают мысли «про себя», произойти может все, что угодно, – от наихудшего до наилучшего сценария. Надеюсь, что эта книга внесет хотя бы малый вклад в направлении к лучшему.

*Гордон Макдональд
Лексингтон, штат Массачусетс
Кентербери, штат Нью-Гэмпшир*

Глава 1

Что значит быть «настоящим мужчиной»

Однажды, когда я был юным идеалистом, я написал сердитую статью для местного религиозного издания. Она взволновала немало читателей, и один из них настолько вышел из себя, что решил встретиться со мной.

Сегодня, десятилетия спустя, тема моей глупой статьи забыта. Но не точка зрения моего критика. Я по-прежнему могу восстановить в памяти, что и как он тогда сказал. И мне нетрудно вспомнить, что его слова разрушили ту шаткую уверенность в себе, которой я, юноша, обладал. Полагаю, что именно этого он и добивался. Я вывел его из равновесия, а он отплатил мне сторицей.

Он сказал с презрением: «Вам бы надо послужить в армии. Может быть, это сделало бы из вас настоящего мужчину».

Этот упрек, отозвавшийся во мне подобно взрыву гранаты, обескуражил меня и на долгие годы отнял уверенность в себе. Сегодня для некоторых мужчин такое замечание не значит ничего. Они бы только посмеялись, возможно, кое-кто постарался бы выбить из него спесь. Я не сделал ни того, ни другого. Я просто захандрил. Ведь то, что он сказал, означало, что я не дотягиваю до настоящего мужчины, и (как дополнило мое воображение) остальные мужчины не считают меня настоящим, одним из них.

Не думаю, что женщины поймут это, но большинство мужчин сочувствуют мне, когда я говорю, что рана от этих слов некоторое время саднила. Вы можете сказать мужчине, что вам не нравится цвет его рубашки, марка его автомобиля, игра его любимой команды и вкус того, что он пьет. Но не позволяйте себе усомниться в его мужественности, если вы не готовы к неадекватной реакции.

В каком-нибудь другом столетии мужчина бы дрался на дуэли из-за подобных слов. Сегодня в иных кварталах мужчины назначают встречу где-нибудь в тихом месте, где дело решат кулаки, ножи или пули. «За такие слова можно и схлопотать», – как мы иногда любим говорить.

Однако я предпочел промолчать, а не лезть в драку. В конце концов, соперник превосходил меня на десяток сантиметров и три десятка килограммов. Но что-то глубоко внутри меня, что, конечно, не от Бога, предпочло бы иной вариант, менее мирный. Вот пример, как у мужчин рождаются «мысли про себя».

Когда они приходят, смутная тень представлений о мужестве и мужественности маячит где-то неподалеку. Мы склонны тревожиться из-за того, как нас оценивают другие мужчины. Считают ли меня сильным или слабым? Крутым или слабаком? Помощником или помехой? Другом или врагом? Везучим или невезучим? Умным или тупым?

Может быть, впервые мы задавали себе такие вопросы, когда стояли на бейсбольном поле в толпе мальчишек, ожидая, в какую команду нас возьмут.

Помните этот ритуал? Два самых лучших, самых сильных игрока бросают монетку или битую, чтобы определить, кто из них начнет поочередно набирать игроков в свою команду. Затем начинается этот мучительный процесс. Вы можете прочесть, что написано на лицах обоих капитанов, когда отбор подходит к концу и остаются одни слабаки: *Взять, что ли, вот этого?* Если тебя выбрали одним из первых, знаешь, что ты в порядке, что тебя оценили. Ты, так сказать, в начале очереди в высшую лигу. Но если ты последний! Да, это удар, и удар тяжкий. Ты готов умереть. Только одно может уязвить тебя еще глубже – когда капитан назначает тебя «дальним филдером» («Ты будешь помогать аутфилдерам подбирать мяч!»).

Что такое настоящий мужчина? Узнать, что делает меня мужчиной – непростой вопрос.

Не считая определенных физиологических различий, сегодня уже не всегда доподлинно известно, что мы имеем в виду, когда называем кого-то мужчиной или говорим, что кто-то до настоящего мужчины не дотягивает. Женщина говорит: «Есть *мужчина* для тебя!» Слышится здесь какая-то ирония, предполагающая, что быть мужчиной – почти то же, что быть варваром или клоуном. С другой стороны, «*вот мужчина, так мужчина*» подразумевает нечто иное. Эта оценка обычно приберегается для человека сильного, умелого, надежного, для победителя. Того, к кому тянутся другие мужчины и чьей дружбой дорожат.

«Берегись мужчин!» – звучит как девиз обиженной половины человечества. Здесь *мужчина* предстает жестоким тираном. Рассмотрим и другое: «Таких *благородных* мужчин еще поискать!» Возникает впечатление мужественности, определяемой твердостью характера и великодушием. Уильям Бут, основатель «Армии спасения», однажды пошутил: «Лучшие мои *сотрудники* – это сотрудницы». Подчеркивались, очевидно, их бесстрашие и решительность.

Так это или нет, но мы все привыкли думать, что знаем точно, *что такое* мужчина и *что такое* женщина. Раньше существовали строго очерченные разграничительные линии, и было не много людей, которые их пересекали. Но произошли перемены. Если вы ощущаете себя мужчиной сегодня, нет гарантий, что так же будет и завтра. Почему? Потому что сама суть мужественности в нашей культуре подвергается переосмыслению. Мужчинам такое положение дел может не нравиться, но это факт, и нам лучше осознать его и перестроиться.

Представления о мужественности тех, кому пятьдесят и больше, могут не соответствовать представлениям тех, кто моложе. Мы выросли на таких образцах мужественности, как Одинокий рейнджер¹, генерал Дуглас Мак-Артур, Роберт Митчем и Чарлз Линдберг. Худшим – безусловно худшим – словом, которым у нас обзывались, было слово *девчонка*. В моем поколении это слово было взрывоопасным.

Не так у нового поколения мужчин, которые, кажется, обзавелись новыми образцами. Рок-музыканты, программисты и мужчины-домохозяйки вполне могут входить в их число. Образцы прошлого отличались некоторой симпатичной грубоватостью. Нынешние вызывают ощущение страстности или мягкости.

Слишком часто мужественность определяется поверхностно, через набор стереотипов. Вот, например, три таких стереотипа. Мы, мужчины, иногда допускаем, что представления о мужественности основаны на работе, на том, что мужчина делает: *настоящий мужчина – охотник и добытчик*; он несет в дом добычу. Иногда мы определяем мужественность способностью привлекать женщин: *настоящий мужчина – «ходок»*, женщины не в силах ему отказать.

¹ Герой вестернов. – Примеч. пер.

А можно замкнуться на третьем определении, связанном с тем, как мужчина расправляется со своими врагами и соперниками: *настоящий мужчина – боец*, другим лучше побережся, когда он идет.

Все эти три стереотипа нашей культуры могут причудливо перемешиваться и не всегда выражаются в удобных или строго разграниченных категориях мышления. Но они послужат для нас отправной точкой.

Настоящий мужчина – охотник и добытчик: неудача – его злейший враг

На протяжении многих тысяч лет самоопределение мужчины было связано с тем делом, которым он занимался и которое обычно требовало известной физической силы, выносливости и сноровки. Сначала мы были парнями, которые волокли домой мамонта. Позднее мы стали приносить деньги в конверте. Именно это определяло, кто мы есть – охотники, добытчики. Это был трудный путь в жизни, но он себя оправдывал. Я хорошо помню дни, когда мальчишки говорили: «Когда я вырасту, пойду работать и буду кормить свою семью». Именно это делали *мужчины!* И в те дни это было очень почетно. Без нас было никак!

У нас в Северной Америке значительную часть своих представлений о мужчине как охотнике и добытчике мы выстроили вокруг образа крепко сбитого индивидуалиста XIX века, который прокладывает путь на дикий Запад, мыл золото, охотился на бизонов, перестреливался с бандитами и поднимал целинные земли. Он никого и ничего не боялся. Таков был этот образ. В наше время миф переместился в мир деловых и профессиональных достижений.

Еще недавно олицетворение мужчины как охотника и добытчика можно было найти в профессионалах, подобных менеджеру Ли Якокке, который вошел в фирму «Крайслер», словно ковбой в Додж-Сити². Он перестреливался с правительством, японскими автопромышленниками и консерваторами. Он добивался своего. Раскупив его биографию, изданную в количестве пары миллионов экземпляров, все мы признали, что настоящий мужчина – тот, кто может спасти корпорацию от банкротства. Настоящий мужчина способен на большие дела. Настоящий мужчина умеет разрабатывать серьезное программное обеспечение, летать на «Боинг-757» и пришивать оторванные конечности. Настоящий мужчина преуспевает. Он никогда не приходит домой с пустыми руками.

Этот настоящий мужчина не просто тащит домой мамонта; он делает это стильно. Он ездит на мерседесе или на джипе-чироки. Он носит одежду, которая уместна в любом случае, посещает престижные клубы, отдыхает на престижных курортах и знаком с влиятельными людьми. Его мир наполнен символами его успеха в качестве охотника и добытчика.

Будь таким или, по крайней мере, выгляди и веди себя, как он, и тебя причислят к мужчинам. Выпадешь из обоймы – и превратишься в одного из множества самцов-трутней, которых никто не уважает.

Именно поэтому неудача становится настолько немислимой. Ведь если мужественность основана на достижениях охотника и добытчика, тогда отсутствие достижений говорит само за себя. Это проигрыш. А мужчинам никогда нельзя проигрывать. Так поражение – и все символы поражения – становятся злейшими врагами мужчины.

Бывший чемпион мира по боксу в тяжелом весе Флойд Паттерсон однажды рассказал, что на каждую встречу приносил с собой набор для изменения внешности. Если бы он не смог выйти из схватки победителем, из раздевалки он вышел бы другим человеком. Быть проигравшим – немисливо. И быть проигравшим в своем профессиональном мире немисливо – коль скоро профессия определяет, кто ты есть.

² То есть типичный городок в вестерне. – Примеч. пер.

Я вспоминаю человека из нашего городка, который несколько лет назад потерял работу. Он считал невозможным признаться своей жене, детям и друзьям в том, что с ним произошло. И вот каждый день он уходил из дома в то же самое время, что и всегда. Вместо того чтобы идти на работу, он отправлялся в библиотеку и убивал время в читальном зале. Вечером он приходил домой и рассказывал ложные новости о том, что сегодня было на работе. Это продолжалось несколько месяцев, пока ему удавалось распоряжаться своими средствами так, чтобы создавалось впечатление, будто он по-прежнему регулярно получает зарплату. Когда поддерживать эту иллюзию стало невозможно, он застрелился. Поражение в роли добытчика было невыносимо.

История об отклонениях в поведении? Разумеется. Но она иллюстрирует, какую власть может иметь над мужчиной работа, определяя, кто он есть и чего он стоит. До тех пор пока мужчины отождествляют свои профессиональные успехи и достижения со своей мужественностью, неудача всегда будет их злейшим врагом. Как и сама мысль о признании поражения. Или о связи с кем-то, кто проиграл.

Поскольку мысль о неудаче невыносима для того мужчины, который определяет себя как охотника-добытчика, ему трудно будет освоиться с неудачей. Признаться в слабости или неумении. Привыкнуть к болезни или инвалидности. Примириться с ограничениями (пока не вынудят факты), согласиться, что в этом мире есть просто уйма вещей, которые он не в состоянии сделать.

Размышляя об этой особенности, я начинаю понимать, почему для многих нормальных мужчин становятся камнем преткновения совсем простые вещи. Например:

- Не надейтесь, что мужчине легко будет спросить дорогу, даже когда все остальные уже поняли, что он заблудился.
- Не ждите, что ему легко будет признать свою ошибку и попросить о снисходительности.
- Не рассчитывайте, что он охотно пойдет к врачу, от которого может услышать дурные вести.
- Не думайте, что он может с готовностью признать, что был не прав, чего-то не знает или не выполняет свои обязанности в доме.

Существует теневая сторона мужественности, когда достоинство мужчины определяется единственно на основе его успехов в качестве охотника-добытчика.

Настоящий мужчина – «ходок»: успех у женщин – его привилегия

Другое стереотипное представление о мужественности основано на способности мужчины привлекать женщин. Очевидно, оно связано с мужской сексуальной энергией. У настоящего мужчины, согласно определению, есть то, что для этого нужно: он окружен женщинами; они молоды и красивы, и каждая готова на все, чтобы угодить ему.

Мы имеем дело с идеями о достоинстве мужчины, определяемом через женщин. Не будет новым указать на такую параллель: красотки из группы поддержки во время футбольного матча играют ту же роль, что и женщины первобытного племени, встречающие воинов после битвы. Если воины возвращались с победой, женщины приветствовали их и становились им наградой. Если терпели поражение, женщины становились добычей враждебного племени.

Сегодня картина лишь чуть-чуть усложнилась. Но любому внимательному наблюдателю ясно, что лейтмотив тот же: женщина рассматривается как трофей, как рыба, голова лося или медвежья шкура на стене. Самым лучшим, самым крутым и сексуальным мужчинам достаются самые лучшие, самые красивые женщины. Эта же логика работает и в перевернутом виде. Если вам удалось всеми правдами и неправдами заполучить самую красивую из женщин, тогда, считаете вы, мир должен признать в вас мужчину. Неудивительно, что мы, мужчины, иногда становимся идиотами.

Актер Рокк Хадсон издавна всегда выглядел победителем в подобных состязаниях. Почти в каждом его фильме именно ему в конце доставалась очередная красотка. Власть его чар над женщинами казалась безграничной. Тем понятней, почему мир онемел от изумления, когда раскрылось, что Хадсон был геем и умер от СПИДа. Как видите, нас все время дурачили.

У большинства мужчин в мыслях «про себя» присутствуют эти самые идеи мужественности, определяемой через успех у женщин, восходящие к очень древним временам.

Я довольно явственно припоминаю, как однажды, когда учился в седьмом классе, пришел на концерт школьного оркестра. На сцене, в первом ряду духовых инструментов, сидела самая очаровательная девушка (школьница), какую я когда-либо видел. Женская красота тогда была для меня открытием.

До того как сел за эту книгу, я не вспоминал о том концерте на протяжении сорока пяти лет. Но как мне кажется сейчас, вряд ли я за весь вечер услышал хоть одну ноту. Все мое внимание сосредоточилось на этой кларнетистке и на мечтах о наших с ней отношениях. Я едва ли был в возрасте, когда в сценарий могло войти что-либо сексуальное, но, вероятно, не так уж и далеко.

Музыка играла, и в моем разгоряченном мозгу разыгрывались живые картины внезапного пожара в школьном зале. Я видел, как через общую давку прорываюсь к сцене, беру кларнетистку за руку и веду к выходу. Но эта фантазия была недостаточно хороша. Поэтому в новой, значительно улучшенной версии пожар и паника бушевали в полную силу. Я прыгал на сцену, брал девочку на руки и нес к выходу (что было уже чистой игрой воображения, поскольку она, кажется, была крупнее меня). Следующие сценарии развивались в том же направлении: раз за разом я спасал ее, пока не исчерпал все мыслимые возможности и она не выразила свою безграничную благодарность тем самым способом, на какой только мог надеяться ученик седьмого класса (я уже подзабыл). Суть в том, что мое воображаемое геройство и ее благодарность были первым шагом в формировании моего представления о мужественности, определяемой успехом у женщин.

Вскоре последовали другие воображаемые сценарии, возможно, уже не такие стерильные. Многие из них были основаны на предпосылке, что женщины считают меня неотразимым и ищут моего общества. К счастью или к несчастью, в реальной жизни это было не так. Но в игре воображения выразилось главное: существует сильное искушение думать, будто привязанность и ласки женского пола являются свидетельством того, что ты принадлежишь к числу «настоящих мужчин». Перефразируя Священное Писание, такой образ мыслей предполагает, что «по женщинам их узнаете их» (ср.: Мф. 7:16,20).

В той мере, в какой мужчина отождествляет себя с покорителем женщин, мысль, что его могут отвергнуть, становится практически невыносимой. Таков плачевный итог самоопределения на этом пути. Не осознавая, что его ждет, он начинает суетливо формировать свой имидж, свою личность и свой путь в жизни таким образом, чтобы завоевать внимание, восхищение и привязанность женщин. Он вынужден соперничать; вынужден демонстрировать свою силу. И чем больше он «преуспевает» в этом, тем вероятней страх перед любой неудачей.

Настоящий мужчина – боец: он не может оказаться бессильным

Наша культура нередко искушает мужчин определять свою мужественность через способность к борьбе. Это означает, что им нужен противник – враг или конкурент. Это также подразумевает наличие боевого духа в генах. Попросту говоря, ставится жесткий вопрос: есть ли кто-нибудь, кого ты в состоянии побить? Если да, то вот настолько ты и мужчина, победитель.

В примитивном обществе это решалось просто. Известно было, кто враг. А делом мужчин было напасть на него и уничтожить. Именно этим занимались мужчины. Мужчина-воин –

это была простая и понятная профессия. Мужчина-спортсмен. Мужчина-защитник. Мужским миром в те бесхитростные дни были: поле битвы, арена состязаний, рабочее место. Любое место, где все решали мускулы и физические данные.

Это не для женщин, говорили мужчины. Это опасно, здесь занимаются опасным делом. Мужчины знали, что могут погибнуть или получить ранения. Но риск окупался выигрышем. И это считалось нормальным. Величайшей добродетелью была храбрость.

Победителю доставалась награда. Он мог получить царскую дочь, лучшие земли, знаки отличия или повышение статуса. Все, что от него требовалось – одолеть врага, победить или храбро погибнуть в борьбе (что, конечно, снимало вопрос о царской дочке).

Если охотник боится неудачи, а любовник боится быть отверженным, то чего боится воин? Поражения, конечно же. Оказаться бессильным.

Боязнь оказаться бессильным – необычная, но реальная проблема многих современных мужчин. Ушли те дни, когда определить врага было легко и можно было взять за глотку.

Сегодня врагом может быть гигантская корпорация, где начальство спускает вниз распоряжения об увольнении, от которых вы не в силах защититься. Врагом может быть система, которая не предлагает рабочих мест, не дает ссуду, не защищает ваш дом. Врагом могут быть средства массовой информации, которые словно сговорились отравлять детские души. Врагом может быть правительство, издающее закон за законом и указ за указом, только ухудшающие положение. Врагом может быть бездуховность, упорно проникающая в вашу жизнь и в жизнь ваших близких, которой непонятно как противостоять. В итоге мужчины все чаще и чаще ощущают свое бессилие. Врагов трудно определить и трудно понять, как бороться с ними.

Иногда мы даже рады открытым столкновениям только потому, что они дают возможность проверить нашу мужественность этим простым старомодным способом.

Вы едете по полосе обгона междугородной автомагистрали. Позади вас появляется водитель и мигает фарами, требуя, чтобы вы убрались с дороги и дали ему обогнать вас. Вы уже и так миль на пять в час превышаете скорость, но он хочет ехать еще быстрее. Пропустить его – означает съехать на более медленную полосу. Это, конечно, неприемлемо, и в вас просыпаются ваши воинственные инстинкты. Так что милую-другую вы игнорируете нахала.

Наконец, вы пропускаете его, но делаете это медленно-медленно, чтобы он подождал еще несколько лишних секунд. В эти секунды *вы* контролируете ситуацию, а пока вы контролируете ситуацию, вы – главный, вы выигрываете в этом состязании двух противников. В «дцатый» раз вы самоутвердились.

Но когда он обгоняет вас, наступает время реванша. Он косится в вашу сторону; подчеркнуто артикулирует несколько слов, которые нетрудно разобрать. А чтобы сомнений не возникло, показывает оттопыренный средний палец, проносясь мимо на своей тачке. Теперь он мужчина. Вы по-настоящему разозлились. В религиозном аспекте, вы начинаете чувствовать то же, что фарисей (из притчи о фарисее и мытаре, Лк. 18:9–14). Но прежде всего вы чувствуете себя униженным. Ваша мужественность на мгновение усохла. Борьба окончилась не в вашу пользу.

Это вариант старой, как мир, ситуации, помещенной в XX век. Он враг! В вас все зовет к отмщению. Вы мечтаете о машине с достаточным количеством «лошадей», чтобы догнать его. На минуту вы увлекаетесь фантазией, как подходите к нему на ближайшей стоянке («Эй, это ты тут меня недавно обогнал? Повтори-ка, что ты тогда сказал? Я что-то не разобрал!»). Возвращаясь к этой воображаемой сцене снова и снова, вы вкладываете в свои слова все больше сарказма, пока не удостоверитесь, что они способны задеть по-настоящему глубоко. Вы уже видите, как он идет на попятный, может быть, даже извиняется. Но затем вы в конце концов отказываетесь от всей затеи, подумав: *он, наверное, вытащит ствол или сделает еще что-нибудь такое.*

Мы мужчины, поэтому речь идет о том, лучше ли мы других мужчин. Если да, мы – победители. А победить – это самое главное.

Подлинная мужественность

Итак, если бы мужественность сводилась просто к уровню тестостерона и наличию мужских гениталий, проблем бы не было. Но, по-видимому, каждый мужчина в душе знает, что проблема есть, и мужественность – не просто вопрос физиологии или анатомии. Мужественность – это образ мышления, существования и действия. Это социальное указание на то, кто я есть, и чего ждут от меня окружающие. Это вопрос социальной роли. Какое место я занимаю в обществе и насколько соответствую этому месту? Кто я по сравнению с женщинами?

Я полагаю, что мужчины тратят непомерное количество времени, размышляя, подлинна ли их мужественность. Это один из аспектов нашей уверенности в себе, он способен терзать большинство из нас до самой смерти. Сколько умственной энергии уходит лишь на один этот вопрос!

Поиски своей мужественности и ее отстаивание начинаются в самом раннем возрасте. Мне довелось убедиться в этом, глядя, как мои внуки ходят за своими отцами по двору, подражая каждому движению взрослых мужчин. Вскоре мальчики уже бросали мяч, как их отцы, имели такую же, как у них, походку и даже кряхтели, как их отцы. Им было два и три с лишним года, а они уже стремились доказать свою мужественность, для чего нужно было научиться воспроизводить те черты, которые они видели у своих отцов.

Коль скоро мы вступили на этот путь, стремление к постоянному подтверждению собственной мужественности никогда не исчезнет. Например, на другом краю возрастного спектра в моей семье находится мой любимый тесть, которому за несколько лет до смерти пришлось подвергнуться удалению простаты. С этого момента он утратил способность полностью контролировать свой мочевой пузырь и, подобно многим престарелым людям, вынужден был пользоваться чем-то вроде подгузников для взрослых. У него был сильный характер, и благодаря этому он смог подшучивать в кругу семьи над своим состоянием.

Но я навсегда запомню тот вечер, когда он признался мне, какой удар это злосчастное событие нанесло его самооощению мужчины: «Я не способен даже не писаться в штаны». Представьте эти опасения у почти восьмидесятилетнего человека, который вырастил и поднял на ноги семью, создал процветающий бизнес, делал в своей мастерской прекрасную мебель и в течение многих лет был на ведущих ролях в обществе и церкви. Семьдесят восемь лет, и все еще тревожиться о своей мужественности. Трое мужчин, из них двое на первых годах жизни, а третий семидесяти восьми лет – их, в сущности, одолевают одни и те же «мысли про себя».

То, что мужчины вынуждены сражаться с такими мыслями, связано с контекстом той культуры, в которой мы живем. Мы больше не принадлежим к племенам и кланам, в которых некогда передавался от поколения к поколению строго установленный ритуал инициации. В таком обществе все мужчины деревни подвергали мальчика обряду, включавшему в себя наставление, торжественную церемонию, обрезание и суровые (иногда мучительные) испытания. Когда посвящение заканчивалось, мальчик знал, кем он становится: мужчиной. Кто сказал это? Отнюдь не женщины, но другие мужчины! Это сказали мужчины. И все остальные, включая женщин, признали их суждение. Причисленный отныне к мужчинам, он начинал вести себя и думать, как мужчина.

В своей книге «Железный Джон» («Iron John») Роберт Блай описывает обряд для мальчишек местечка Кикую в Африке. В соответствующем возрасте мать отводит мальчика к месту инициации, установленному мужчинами деревни. Там он три дня постится.

В ночь посвящения его приводят к костру, около которого сидят старейшины:

«Его мучают голод и жажда, он встревожен и испуган. Один из старейшин достает нож, вскрывает себе вену на руке и дает каплям крови стечь в пустую тыкву или чашу. Чаша передается по кругу, и каждый старейшина режет себе руку тем же самым ножом и добавляет в чашу свою кровь. Когда чаша доходит до посвящаемого юноши, ему предлагается подкрепить свои силы этим питьем».

Блай далее поясняет значение происходящего:

«Благодаря этому обряду мальчик многое узнает. Он узнает, что пищу может получить не только от своей матери, но и от мужчин. И он узнает, что нож можно использовать для многих целей, а не только, чтобы кого-то резать. И могут ли у него теперь возникнуть сомнения, что он принят мужчинами в свой круг?»

Читая книгу Блая, я отметил, что, согласно такому ритуалу, мы получаем молоко от матери, но кровь – от отца и его друзей. Нам, мужчинам, совершенно необходимо и то, и другое. Молоко дает питательные вещества и силу. Кровь дает храбрость и связь с отцом и с предками.

Оставшимся в деревне девочкам не нужны такие обряды. Они знают, что приняты в круг женщин. В отличие от мальчиков, которых ждет момент расставания с матерью, девочки могут остаться. Более того, при половом созревании, когда их тела каждые двадцать восемь дней напоминают им об их способности рожать детей, их женственность постоянно подтверждается. Факты говорят сами за себя. Девочка стала женщиной; об этом говорит ее тело, и женщины лишь поддакивают. Но мальчик становится мужчиной, только когда мужчины скажут это.

Не так в нашем мире. Изрядное число авторов указывало на отсутствие подобных обрядов в западной культуре. За исключением определенного обряда у евреев, практически не существует универсального определения того рубежа, перейдя который, мальчик знал бы, что стал мужчиной. То, что племя предоставляло через обряд инициации, в наше время мальчик должен заслужить постепенно и подтверждать вновь и вновь. И ему предстоит утверждаться, главным образом, самостоятельно или вместе с группой сверстников. Поскольку не существует официально признанного совета или суда, который объявлял бы, что процесс завершен, для многих мужчин такое самоутверждение продолжается всю жизнь.

Несмотря на все (на мой взгляд, сомнительные) усилия, предпринимаемые в наше время для того, чтобы обучать и воспитывать мальчиков и девочек без учета половых различий, факт остается фактом, что из своего культурного окружения они получают сигналы, формирующие их представление о своей половой принадлежности. Главное разграничение здесь связано с эмоциями и взаимоотношениями.

Психолог Элвин Барафф пишет в «Мужском разговоре» («Men Talk»):

«Девочек учат ценить и понимать свои чувства. И наоборот, мальчиков учат, даже заставляют скрывать и подавлять свои эмоции. Вряд ли можно найти сегодня в Америке мужчину, который вырос бы, не слыша такие увещания, как „Большие мальчики не плачут!“ и „Будь мужчиной!“ Для маленького мальчика из этих наставлений и состоит реальность».

То, о чем говорит Барафф, с течением времени закрепляется. Мальчик учится не раскрывать и не выражать свои чувства. Он обнаруживает, что от него ждут действий с позиций силы и превосходства, даже если это одна видимость. Его приучают искать своего самоопределения в состязаниях и победах. В итоге он с запозданием начинает различать себя в мужской среде, поддерживает дружеские отношения только тогда, когда это что-то дает. Он живет в мире хвастовства, подначек, испытаний силы и побед. Так формируется мужчина, определяемый как охотник и боец. Единственной альтернативой этому является жизнь интроверта, уход в себя.

Вот что еще пишет Элвин Барафф:

«Итог таков, что мужчина в нашем обществе вырастает, чувствуя себя внутренне одиноким. Он научился быть независимым, полагаться только на себя и считает эти установки высшими своими ценностями. Он стремится владеть ситуацией. Он не может даже вообразить,

что ему может понадобиться обратиться за помощью, и редко рассматривает это как вариант своих действий».

На моей книжной полке стоит маленькая книга «Непонятый мужчина» («The Misunderstood Man»), последняя из написанных человеком, который был моим другом, покойным Уолтером Тробишем. Его жена Ингрид, закончившая рукопись, написала к ней предисловие. Первое же предложение из ее вступления к книге захватило меня:

«„Мужчина страдает, но женщина [!] этого не знает“. Однажды я видела эти слова, написанные на маленьком автобусе в Аккре, столице Ганы. Возможно, это суть того, что Уолтер хотел сказать в своей книге» (курсив мой. – Г. М.).

Мысль, к которой привлекает внимание читателей Ингрид Тробиш, глубока. Каждому из полов присущи свои особые страдания. Женщины рыдают оттого, что не могут полностью реализовать свой потенциал в обществе, где основные позиции заняты мужчинами. Мужчины стремятся найти свое истинное «я» и раскрыть себя в этом «я». Без этого они зачастую обречены мучиться, пытаясь так или иначе *обрести* мужественность или хотя как-то приблизиться к тому, чем они ее считают.

Именно поэтому мужчины больше заботятся об *имидже* мужественности, чем о *сущности* ее. Искушение выбрать кого-то, кто выгладит олицетворением мужественности, и во всем копировать его, бывает непреодолимым. Ковбой, спортсмен, ночной мотоциклист, воин, культурист, преуспевающий менеджер, любовник, рейнджер, спасающий людей герой – все они и многие другие представляют собой набор масок, из которых мы выбираем подходящую для создания необходимого эффекта.

Одним из величайших приключенческих произведений в мировой литературе является история о юном еврейском пастухе Давиде. В ней предусмотрены практически все элементы, способные взволновать мужчину в его стремлении обрести подлинную мужественность.

Она начинается с констатации факта, что Давид в своей семье был самым юным и самым невзрачным. Постоянно видны намеки на то, что старшие братья относились к нему с пренебрежением, да и отец не считал его особенно выдающимся.

Его братья отправились на войну под предводительством Саула, царя Израиля. На поле битвы они, как и все их соотечественники, столкнулись с суровым испытанием своей мужественности и не выдержали его.

В стане их врагов филистимлян был могучий воин по имени Голиаф. Он отличался не только огромным ростом (говорят, что он был выше девяти футов), но и язвительностью в речах. Он ухитрился привести в действие практически все рычаги, пробуждающие воинственные инстинкты в любом мужчине.

В тяжелых доспехах и с полным вооружением Голиаф прошествовал на территорию ничейной земли между двумя армиями и выкрикнул:

«Зачем вышли вы воевать? Не Филистимлянин ли я, а вы рабы Сауловы? Выберите у себя человека, и пусть сойдет ко мне. Если он может сразиться со мною и убьет меня, то мы будем вашими рабами; если же я одолею его и убью его, то вы будете нашими рабами, и будете служить нам... Сегодня я посрамлю полки Израильские; дайте мне человека, и мы сразимся вдвоем» (1 Цар. 17:8–10).

Так Клинт Иствуд говаривал: «Давай, выходи, кто там сегодня». Но для мужчин Израиля это также была возможность самоутвердиться и спасти свой народ. Для всех верных сынов отечества настало время поспешить на выручку своему народу. Однако «...услышали Саул и все Израильтяне эти слова Филистимлянина, и очень испугались и ужаснулись» (1 Цар. 17:11).

Так продолжалось сорок дней. Утром и вечером великан Голиаф вызывал мужей Израильских, но ни один из них не сдвинулся с места.

И вот на сцене появляется юный Давид, которого отец послал отнести еду и припасы братьям. Он пришел как раз в тот момент, когда Голиаф выступал со своей ежедневной похваль-

бой. «И все Израильтяне, – говорит священнописатель, – увидев этого человека, убежали от него, и весьма боялись» (1 Цар. 17:24). Давиду оставалось только недоумевать, что же это за воины. Первое впечатление о них было далеко не лучшим.

«И говорили Израильтяне: видите этого выступающего человека? Он выступает, чтобы поносить Израиля. Если бы кто убил его, одарил бы того царь великим богатством, и дочь свою выдал бы за него, и дом отца его сделал бы свободным в Израиле» (1 Цар. 17:25).

Легко себе представить, как должны были подействовать на юношу подобные перспективы. Ведь эти награды представляют собой все то, чего можно пожелать, чтобы утвердить себя в качестве настоящего мужчины. Стоит только победить в поединке, и наградам не будет числа: богатство, царская дочь, привилегии для семьи и всеобщий почет.

Но Давид не такой человек. Им движет не стремление к наградам. Конечно, он не отказался бы от богатства, царской дочери и привилегий для своей семьи. Просто не это было определяющим, и не это побудило его действовать.

Нет, то, что двигало Давидом, связано с иными представлениями о мужественности. Было что-то в сердце, в душе, что призывало его прославить своего Творца.

«Раб твой пас овец у отца своего, и когда, бывало, приходил лев или медведь и уносил овцу из стада, то я гнался за ним, и нападаю на него, и отнимал из пасти его; а если он бросался на меня, то я брал его за космы, и поражал его, и умерщвлял его. И льва и медведя убивал раб твой, и с этим Филистимлянином необрезанным будет то же, что с ними, потому что так поносит воинство Бога живого... Господь, Который избавлял меня от льва и медведя, избавит меня и от руки этого Филистимлянина» (1 Цар. 17:34–37).

Вскоре, рассказывает нам священнописатель, Давид вышел на ничейную землю, без доспехов и оружия, не считая пращи и пяти камней.

Там его ждал Голиаф, который начал браниться: «Что ты идешь на меня с палкою? разве я собака?.. Подойди ко мне, и я отдам тело твоё птицам небесным и зверям полевым» (1 Цар. 17:43, 44). Очевидно, в те дни было принято так выражаться.

Давид отвечал:

«Ты идешь против меня с мечем и копьем и щитом, а я иду против тебя во имя Господа Саваофа, Бога воинств Израильских, которые ты поносишь. Ныне предаст тебя Господь в руку мою, и я убью тебя, и сниму с тебя голову твою, и отдам трупы войска Филистимского птицам небесным и зверям земным, и узнает вся земля, что есть Бог в Израиле. И узнает весь этот сонм, что не мечем и копьем спасает Господь, ибо это война Господа, и Он предаст вас в руки наши» (1 Цар. 17:45–47).

Через несколько мгновений Голиаф был убит, а его соотечественники обратились в бегство. Когда я, еще мальчиком, смотрел эту историю на диапроекторе (это видео 1940-х годов), я трепетал. Я знал тогда, что Давид – тот мужчина, каким я хотел бы стать.

Но привлекал меня в основном мужественный *имидж*. Мне импонировали сила, храбрость, ловкость, всеобщий восторг и благоволение царя, благодарность отца и реабилитация перед недалекими братьями. Это был путь мужчины.

Повзрослев, я нашел в этой истории нечто лучшее для своих мыслей «про себя» – *сущность* мужественности. Давид был мужчиной не в силу того, что он сделал и что получил в качестве прямого и дополнительного вознаграждения. Он был мужчиной, прежде чем вообще пошел в бой.

Видимо, еще мальчиком-пастухом, вдали от отца и братьев, оставаясь в полях наедине с овцами и рыскающими вокруг дикими зверьми, Давид выработал в себе этот дух мужественности, общаясь со своим Творцом. Там не было никого, на кого можно было производить впечатление имиджем охотника, любовника или воина. Давид просто делал свое дело, соблюдал завет, служил своему отцу и Богу своего отца. И в этом была вся суть. Мальчик превратился в мужчину. Позднее псалмопевец скажет:

«И избрал Давида, раба Своего, и взял его от дворов овчих, и от доящих привел его пасти народ Свой, Иакова, и наследие Свое, Израиля. И он пас их в чистоте сердца своего, и руками мудрыми водил их» (Пс. 77:70–72).

Небезынтересно отметить, что Давид – хороший охотник. И он завоевал любовь женщин. И он – могучий воин. Но не это делает его мужчиной, и не этим он предпочитает (в свои лучшие моменты) хвалиться как мужчина. Его уверенность в себе – не внешняя; она внутренняя. Это состояние его души, когда он вверяет свою жизнь Богу Израиля и Его замыслу.

Это было время, когда мужчина вроде меня легко мог бы устрашиться тяжких испытаний для своей мужественности. Но не Давид! Он тверд. Словно бы Бог вскрыл вену на Своей руке и приобщил Давида к божественной мужественности. И это Он делает для каждого, кто стремится стать *настоящим мужчиной*.

Глава 2

Тайны близости

В каталоге мужских мыслей «про себя» не многие темы занимают больше места, чем мысли, которые выстраивают цепочку вопросов такого рода: кого я знаю по-настоящему? хорошо ли я их знаю? кто меня знает по-настоящему? что во мне (раз уж я об этом задумался) есть такого, что стоит знать? и если бы кто-нибудь удосужился узнать меня (имею в виду, какой я на самом деле), можно ли надеяться, что эти люди захотели бы видеть меня своим другом, отцом, мужем?

Это только пример. За этими вопросами стоят десятки других. Все они – сумбурные, непоследовательные. Но они свидетельствуют о сумятице, свойственной «мыслям про себя». Почему я стремлюсь к настоящим, глубоким человеческим контактам? Все же есть здесь какие-то тайны. И величайшая из них – что на самом деле означает *близость*.

Вот бывший морской пехотинец вспоминает о прошлом:

«Никогда не думал, что скажу такое, но одни из самых лучших дней моей жизни прошли в морской пехоте, когда мы были во Вьетнаме. Там мы были командой парней, которые вместе прошли через ад. Мы видели, как люди умирают, разлетаются в клочья, сходят с ума. И посреди всего этого мы сделались такими близкими друзьями, каких невозможно найти в других условиях. Не оставалось ничего, что мы не могли бы открыть друг другу, ничего, что мы бы друг для друга не сделали. Вы слышали о том парне, который бросился на гранату, чтобы спасти жизнь друга? Из нас каждый бы это сделал... Мы говорили обо всем. Мы смеялись; мы плакали; мы ненавидели; мы мечтали; мы орали... иногда даже дрались. Все сразу. Но одну вещь мы знали едва ли не лучше, чем что бы то ни было еще. *Мы любили друг друга так, как никогда прежде не любили. Не думаю, что у меня когда-нибудь снова будут такие друзья...* Я лишился такого рода близости. Те люди, кого я знаю в церкви, на работе? С ними у меня нет ничего подобного. Даже моя жена никогда не будет знать меня так, как знали те парни» (курсив мой. – Г. М.).

Этот человек описывает особый, очень глубокий род *близости* – той, что устанавливается за пределами событий и обстоятельств, где-то на уровне души. Мужчины и женщины могут работать вместе, вступать в сексуальные отношения и разделять друг с другом моменты сильнейшего эмоционального напряжения. Но они могут совсем не *знать*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.